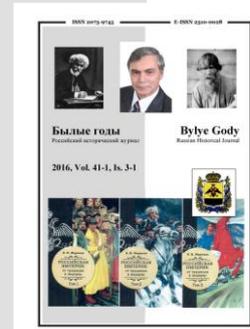

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 41-1, Is. 3-1, pp. 908-916, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93(47)

Historical Research of the Russian Modernization: Theoretical and Practical Aspects

Aleksander B. Liarskii ^{a, *}

^a North-West Institute of Printing Arts of Saint Petersburg State University of Technology and Design, Russian Federation

Abstract

This article is devoted to a discussion of B. N. Mironov's monograph "The Russian Empire: From Tradition to Modernity," which, according to A. V. Liarskii, is on the whole a significant step in the development of national historiography. As usual, his last book came under the spotlight and the heated debates of scientists. It discusses, based on an analysis of individual examples from Mironov's work, the limitations and possibilities of using the cliometric approach as a means of understanding the historical process and "cliotherapy" as the goal of historiography. Based on the monograph, it clarifies ideas about the modernization of Russia as a self-contradictory process that heightened archaic social tendencies. An important part of the work done by Mironov is the attempt to seek the sources of the particularities of Russian modernization through historical psychology and anthropology, in the cultural specifics of the imperial population. Along with a warm approval of this trend, the article criticizes some features of Mironov's "anthropological turn," for example his attitude to folklore sources or certain conclusions about the nature of the Russian Revolution, based on the study of collective peasant beliefs and the characteristics of peasant thinking. In conclusion, the monograph is characterized as a fundamental interdisciplinary study of the modernization of the Russian empire over the long term, without which it would be difficult to imagine the development of historical scholarship over the course of the next decades.

Keywords: historical anthropology; modernization; Russian Empire; cliometrics; collective representations; "cliotherapy"; Kalmyk Buddhism; micro-studies; macro research; interdisciplinarity.

Книга Б.Н. Миронова «Российская империя: от традиции к модерну» не является, как подчеркивает и сам автор, простым расширенным переизданием его «Социальной истории России...» (Миронов, 2003). Также не является эта монография и только лишь попыткой свести в один текст два грандиозных труда – «Социальную историю...» и «Благосостояние населения...» (Миронов, 2012). По утверждению самого Б.Н. Миронова, книга подводит итог «многолетним исследованиям периода империи». Автор скромно говорит о своих исследованиях, но не будет преувеличением сказать и об итоге целого историографического этапа, который начался с первого издания «Социальной истории...» (Миронов, 1999). Эти 17 лет немислимы как без работ Б.Н. Миронова, так и без резкой, к сожалению – жестокой, но интересной и глубокой полемики вокруг них (Миронов, 2013). Эта полемика наложила свой отпечаток и на текст новой монографии – он объемён и многослоен, иногда внутренне противоречив; он дышит рефлексией и жаром прежних «боев за историю».

* Corresponding author

E-mail addresses: lam732007@yandex.ru (A.B. Liarskii)

По сравнению с «Социальной историей...» в текст введены новые сюжеты, и их количество довольно велико – фактически весь третий том, не говоря уже о значительно расширенных главах первого и второго томов. Но все эти новеллы призваны прежде всего усилить аргументацию уже сделанных выводов, доказать правоту автора на новом материале. Поэтому, при бесспорных достоинствах новой монографии Б.Н. Миронова, все сомнения, высказанные в адрес предыдущих работ автора, безусловно, сохраняются, как сохранились они у меня. Некоторые примеры, взятые из нового текста, позволят мне проиллюстрировать эти сомнения, но критика не должна являться в данном случае самоцелью. Во многих случаях не соглашаясь с выводами Б.Н. Миронова, я вполне понимаю, что сама дискуссия возможна только благодаря гигантской проделанной автором работе. Чрезвычайно важно использовать опыт исследователя для развития и усиления именно социально-исторического и историко-антропологического направления в исторической науке.

Вычисления и высказывания

Как и многие критики Б.Н. Миронова я не сомневаюсь в достоверности его вычислений. Меня больше настораживает следствие из авторского клиометрического приоритета и это следствие – небрежность к языку выводов. Приведу пример. В подразделе «Положение отдельных народов в империи и их роль в экономической и общественной жизни» (Миронов, 2014: 152–162) Б.Н. Миронов определяет роль, которую играл тот или иной народ в «экономической и общественной жизни». Автор, используя данные переписи 1897 г., вычисляет «относительную активность представителей каждого этноса во всех сферах жизни». Делается это по следующей методике: доля представителей того или иного народа в той или иной сфере делится на долю этого народа в общей массе населения и получается, что «типичный русский человек участвовал в управлении, суде и полиции примерно в полтора раза активнее, чем типичный... подданный империи, соответственно немец в 1,1 раза активнее... а еврей в сфере управления был в 5 раз пассивнее». В итоге получается, что «самым активным в управлении и в армии был русский, в церковных делах – калмык, в свободных науках и искусствах, а также в накоплении капитала – немец, в торговле и финансах, на транспорте и коммуникациях, а также в промышленности – еврей...» (Миронов, 2014: 157). Если выводы о русском и еврее ожидаемы, то калмыцкий приоритет в церковных делах, согласитесь, поражает. И заставляет спросить: а что это значит? Если мы обращаемся к первоисточнику (Общий свод..., 1905: 350), то видим, что действительно из 50 116 самостоятельных хозяев 2098 человек проходят по четырем категориям переписи, учитывающим тех, кто так или иначе связан с богослужением – или с самим осуществлением культа, или с исполнением различных должностей при объектах культа. Это соотношение, действительно, чрезвычайно велико, по сравнению с подобным образом вычисленными данными у других народов (Миронов, 2014: 155–156). Однако что демонстрирует эта цифра?

Калмыки исповедовали буддизм тибетского толка, который в обыденном русском языке носит название ламаизм. Исследователи калмыцкого буддизма в XIX в., указывая на действительно большое количество священнослужителей, обращали внимание на несколько факторов. С одной стороны, речь шла об обычае отдавать в монахи хотя бы одного из мальчиков в семье; кроме того, указывалось на льготы и привилегии, которыми пользовалось ламаистское духовенство у калмыков, что привлекало людей в «духовное сословие» (Леонтович, 1880: 392–393). С другой стороны, выдающийся исследователь буддизма, ведущий монголовед конца XIX – начала XX в. А.М. Поздеев в статье для словаря Брокгауза и Ефрона «Калмыцкое вероучение» подчеркивал важность вмешательства российского законодателя: «По всей Монголии и у чжунгаров посвящение в высшую степень гэлунга составляет явление довольно редкое, потому что требует согласия целой монастырской общины, каждый член которой самостоятелен; у калмыков с предоставлением всего дела избрания и посвящения в гэлунга единой личности ламы (что явилось следствием действия имперского законодательства. – А. Л.) все исполняется гораздо проще. Лама посвящает каждого или по его просьбе, или даже по своему личному желанию...» (Поздеев, 1895: 73).

Два эти взаимодополняющих объяснения дают нам понять, как сложилась подмеченная Б.Н. Мироновым ситуация. Она неслучайна, она верно зарегистрирована, но ее интерпретация явно оставляет желать лучшего. Небольшой народ, о котором большинство населения России и слыхом не слыхивало, жил собственной, для остальных экзотической

жизнью. Говорить без дополнительных комментариев о том, что наиболее активны в церковной жизни были калмыки, – это значит повторить ошибку российских чиновников, организовавших буддизм наподобие православной иерархии, и, кроме того, создавать не соразмерную реальности картину.

Конечно, здесь же возникает вопрос о том, какими данными снабжает нас перепись, на основании которой Б.Н. Миронов делает свои подсчеты. Например, если бы в соответствующем ключе были учтены народы, которые практиковали так называемый домашний шаманизм, то чукчи по активности «церковной жизни» калмыкам бы фору дали. Но главное, что демонстрирует калмыцкий случай, на мой взгляд, – это важность перевода – с языка цифр на язык терминов, понятий и даже метафор. И вот здесь выбор Б.Н. Миронова не всегда удачен, тем более что у читателя может остаться четкое ощущение, что народы, учтенные Б.Н. Мироновым, участвовали в той или иной деятельности исключительно потому, что так хотели, а не потому, что так им предписывал обычай, необходимость или закон: «Например, полякам заниматься финансами и торговлей нравилось в 2,7 раза... меньше, чем всему населению в целом... У русских тяга к промышленным занятиям была немногим выше среднего... Любимые занятия евреев – торговля и финансы...» и т. д. (Миронов, 2014: 152).

Во многих случаях подсчеты делают реальность очевидной. А вот сделать очевидное понятным – это работа, требующая отдельных усилий и к подсчетам не сводящаяся. Безусловно, результаты, полученные Б.Н. Мироновым (не только в области этнических вкладов, конечно), во многих случаях требуют не столько погромных интонаций в голосе критиков, сколько дополнительной работы по их интерпретации.

Урок, который можно извлечь из этого «калмыцкого дела», довольно банален и прост: каждое масштабное исследование, построенное на массовых количественных данных, необходимо и обязательно должно поверяться не столько анализом других массивов количественных данных, хотя бы даже и с корреляционными вычислениями, а сколько качественным микроисследованием, иначе друг степей навсегда станет образцом церковного бытия. Я думаю, необходимо внимательнее отнестись к идее Б.Н. Миронова о том, что «преодоление фрагментации знаний и выявление тенденций требуют жертвы деталями, но дают компенсацию – общую картину» (Миронов, 2014: 27). Слишком много искажений в деталях не позволят получить достоверную картину. Мне кажется, что проверка результатов исследования «большого масштаба» на микроисследовании является не прихотью исследователя или делом его исследовательского вкуса, а дополнительной гарантией достоверности. Это методологическая необходимость исследователя-практика; отдавать предпочтение одному методу – это все равно, что стоять на одной ноге. Однако, как справедливо замечает по этому поводу сам Б.Н. Миронов – на это жизни не хватит. Но благодаря тому, что работа Бориса Николаевича проведена и проведена так качественно на макроуровне, возможно и декларированное мною углубленное понимание реальности на микроуровне.

Клиотерапия

В каком-то смысле Б.Н. Миронов повторяет судьбу Н.М. Карамзина: «История государства Российского» как раз и начиналась с рассуждений о том, что «и простой гражданин должен читать Историю. Она мирит его с несовершенством видимого порядка вещей, как с обыкновенным явлением во всех веках; утешает в государственных бедствиях, свидетельствуя, что и прежде бывали подобные, бывали еще ужаснейшие, и Государство не разрушалось...» (Карамзин, 1989: 13). Это совпадает по интонации с одной из любимых мыслей Б.Н. Миронова о «клиотерапии» – лечении общества с помощью истории: «...историки могут помочь обществу избавиться от негативных мифов, устаревших институтов, вредных практик и ментальных установок...» (Миронов, 2014: 18) или в другом месте: «...национальные историографии во всем мире занимаются в той или иной степени клиотерапией, думают о воспитании у народа здорового патриотизма и воздерживаются от пропаганды и тиражирования негативных исторических мифов» (Миронов, 2014: 20). Не удивительно ли, что и Н.М. Карамзин был обвинен в восхвалении «прелестей кнута», и Б.Н. Миронов записан некоторыми критиками в ряды тех, кто оправдывает любые государственные деяния вопреки исторической очевидности. Компания Карамзина – не такая уж и плохая, но закономерность настораживает, поскольку не очень ясно, о чем она говорит: характеризует ли стереотипы читателя или оплошности в методологии автора?

Мои претензии к этому методологическому подтексту работ Б.Н. Миронова носят несколько эмоциональный характер – судя по всему, у нас разные представления о том, в чем должна заключаться клиотерапия.

Возьмем пример национальной политики по отношению к евреям, описанной в традиционном для Б.Н. Миронова «государственно-оптимистическом» ключе. Автор совершенно справедливо называет ее «непоследовательной, извилистой и многозначной», но при этом отказывается признать ее антисемитский вектор: «Назвать еврейскую политику российского правительства антисемитской вряд ли правильно и справедливо...» (Миронов, 2014: 217). Дело в том, что Б.Н. Миронов нормализует процесс, демонстрируя его внутреннюю логику: введение черты оседлости – логично, поскольку интеграция еврейского населения не удалась, вызвав острейшее неприятие со стороны самого еврейского населения, купцов-конкурентов, РПЦ, и христианского городского населения (Миронов, 2014: 197). Также логичны квоты на образование: «Чтобы воспрепятствовать ненормальному с точки зрения властей повышению доли не желающих ассимилироваться евреев в российской элите, и была введена процентная норма для их приема в средние и высшие государственные учебные заведения...» (Миронов, 2014: 206). С моей точки зрения это все и есть антисемитизм, как бы логично он не выглядел.

Кроме того, следуя логике государственного мышления, автор обосновывает некоторые весьма неблагоприятные действия имперских властей тем, что в их основе были соображения реактивного свойства: «Большинство правительственных мер, направленных на преодоление еврейской замкнутости или подрыв их традиционных занятий с целью примирить их с местным населением, оказались временными и несостоятельными...: например, их выселение из деревень западных губерний для пресечения их винного промысла...» То есть на самом деле правительство хотело интегрировать евреев, а не дискриминировать их, и многие меры Николая I были направлены именно на преодоление сопротивления евреев модернизации (Миронов, 2014: 204–205). С моей точки зрения это и есть дискриминация по национальному признаку, и от того, что несправедливость имеет внутреннюю логику, она не становится менее несправедливой.

На мой взгляд, проблема в том, что Б.Н. Миронов не отказывается признать наличие дискриминационных мер, но, встраивая их в большой контекст, он убирает эмоциональный пафос, в полном согласии с духом «клиотерапии» минимизирует эмоциональную боль, а с ней и обличительный подтекст описания государственной дискриминации. А этого делать, на мой взгляд, не надо из соображений как раз терапевтических, поскольку обличение государственных машин с помощью истории – это один из механизмов минимизации опасности, исходящей от любого государства.

Подводя итог, я могу сказать, что не являюсь сторонником идеи «клиотерапии» в ее государственно-апологетическом изводе не потому, что отрицаю положительное влияние государства на социальное развитие империи, а потому, что вижу много искажающих и упрощающих реальность моментов в этой концепции. Возникает вопрос: насколько автор сам осознает влияние на итог работы своей терапевтической, смягчающей и нормализующей установки? Борясь с негативными мифологемами историографии не выводит ли он на новый уровень положительно-бравурные мифологемы? С другой стороны, у клиотерапии есть, на мой взгляд, иная положительная сторона – автор постоянно преодолевает локальность отечественной истории, проводя сравнение с европейскими странами; кроме того, его исследование демонстрирует, как подмеченные им закономерности и свойства процесса модернизации реализовались за хронологическими рамками имперского периода. Это дает монографии не часто встречающуюся перспективу, позволяющую читателю осознать, что история – это не наука о прошлом, а наука о самом что ни на есть настоящем, если мы хотим это настоящее понимать.

Многослойность и сложность

Говорить о том, что автор чего-то недопонял или ему что-то мешает увидеть истину, – это означает говорить высокомерные нелепости. Фантастическая по качеству и объему работа, проделанная Б.Н. Мироновым, позволяет и дает ему право на выводы, которые другим кажутся спорными. Наша большая удача заключается в том, что мы являемся современниками и читателями этой работы; опираясь на нее, мы можем строить собственные реконструкции, не обязательно совпадающие с выводами Б.Н. Миронова. В этом и заключается коллективная суть научной работы в области истории.

Разберем еще один пример. Такая же последовательность рассуждений, как и в случае с «еврейским сопротивлением», явлена в третьем томе, в главе 12, в подразделе, связанном с уровнем образования российского населения (Миронов, 2015b: 474–535). Б.Н. Миронов утверждает, что «важнейшей причиной медленного распространения грамотности можно считать отсутствие у населения достаточной мотивации и настоящей потребности в ней», о чем, по справедливому рассуждению Б.Н. Миронова, свидетельствует рецидив безграмотности (Миронов, 2015b: 497). Однако, по мысли автора, это положение прежде всего доказывает несправедливость обвинений в адрес имперских властей, которые якобы «из-за страха утраты контроля над подданными являлись главными врагами просвещения». По мнению Б.Н. Миронова, это миф. У читателя, знакомого с историографией, недоумение вызывает прежде всего безапелляционность этого утверждения, игнорирующая все охранительные аспекты образовательной политики России. Во многих основополагающих документах, исходящих из правительственных недр, мы найдем две препятствующие развитию образования мысли: во-первых, правительство боролось с распространением «опасных идей» и, во-вторых, стремилось воспрепятствовать тому, чтобы равный доступ к образованию размывал основы сословного строя России, о чем и сам Б.Н. Миронов, разумеется, осведомлен (Миронов, 2014: 455).

Как и Б.Н. Миронов, я вполне убежден в том, что во многих случаях грамотность детей виделась крестьянину и опасной, и ненужной. И в этом смысле охранительные стремления государства совпадали с крестьянской косностью вполне. Более того, стремление удержать людей в их сословном положении были не столько злым умыслом, сколько часто свидетельством архаичного мышления самих коронных чиновников. Они действительно опасались евреев и действительно считали разрушение сословного строя нарушением разумного порядка вещей. Но эти наблюдения, на мой взгляд, позволяют не столько определить ведущую роль в модернизации государственных структур, сколько обратить внимание на сложность и неоднозначность модернизационного процесса.

Вообще модернизация шла успешно там, где совпадали вектора правительственных и общественных (коммерческих, например) устремлений, и была чрезвычайно затруднена там, где совпадали правительственный и общественный консерватизм. И уж конечно, совершенно неожиданные последствия возникали там, где эти устремления были разнонаправленными: в этих случаях я вижу процесс модернизации не запланированным и векторным, а по большей части спонтанным, часто разнонаправленным и реактивным по отношению к внешним обстоятельствам, – процессом, чья внутренняя логика в конкретный период или в конкретном случае не совпадает с логикой больших обобщений.

Если принять это положение, то можно согласиться с выводами Б.Н. Миронова об издержках модернизации, однако я бы перенес фокус внимания с оптимистичной восходящей траектории на ужасающее наложение архаизмов, которые, причудливо сплетаясь с модернизационными потоками, давали катастрофический эффект. Так, довольно типичное для модернизационного процесса явление, подмеченное Б.Н. Мироновым в динамике развития крестьянской семьи (от нуклеарной к патриархальной), модернизация не убирает, а обостряет и усиливает архаичные элементы жизни, иногда придает им новый импульс и только при подобном усилении эта архаика может быть преодолена. Например, именно индустриальное развитие продемонстрировало несправедливость низкого социального статуса женщины и ребенка – через использование этого статуса в жестокой эксплуатации. Традиционная культура не видела в таком положении дел ничего особенного, и только фабричная жизнь показала, какую опасность может нести в себе низкий культурный статус. Или религиозный фундаментализм, не представляя собой ничего нового, являет свою бесчеловечность с особой силой в эпоху Интернета и автоматического оружия и навязывает другому миру настоящую войну. Или архаичное восприятие взятки, вполне адекватно описанное Б.Н. Мироновым (Миронов, 2015a: 524–531), становится страшной угрозой именно в современном модернизированном государстве. И т. д. Тут важно подчеркнуть, что все построения Б.Н. Миронова, в которых революция описывается как побочный продукт модернизации (Миронов, 2015b: 676–690), мне кажутся вполне достоверными, но сложность взаимодействия традиции и модерна в этой схеме требует, на мой взгляд, основного, а не дополнительного положения.

Антропологический поворот

Таким образом, все, что составляло предмет дискуссии при обсуждении предыдущих работ Б.Н. Миронова, осталось в силе. Но, как отмечалось выше, книга дополнена новыми исследованиями, которые логично вписываются в концепцию автора, обогащают ее и усиливают.

Именно в силу многозначности и противоречивости модернизационного пути кажется вполне логичным и оправданным дрейф Б.Н. Миронова в сторону исторической антропологии (хотя сам Б.Н. Миронов говорит об историко-психологическом направлении своей работы) и исследования коллективных стереотипов. Мне эта часть в «Российской империи...» кажется чрезвычайно привлекательной. Сам Б.Н. Миронов неоднократно подчеркивает, что перед нами лишь предварительный набросок и первые шаги в исследовании (особенно в том, что касается собственно историко-психологических сюжетов), но и уже первые шаги приводят к ярким результатам – автор делает убедительные выводы о наличии у российских работников – пролетариев и крестьян – особого отношения к труду, времени, доходу, об особенном их мировосприятии и в итоге приходит к обоснованному выводу: «...если иметь в виду благосостояние населения в период империи, то не крепостное право и не самодержавие задерживали его повышение, а то, что вплоть до 1917 г. большинство людей в своей повседневной практике полагались на принципы субсистенциальной трудовой этики, жили на основе христианских заповедей...» (Миронов, 2015b: 469). Конечно, можно задать вопрос, не ставит ли автор телегу впереди лошади и не была бы этика русских крестьян несколько иной при отсутствии крепостного права или при иных формах правления, но это скорее относится к категории общих рассуждений, чем к компетенции исторической науки.

Как и предупреждал сам автор, все в этой главе может быть подвергнуто критике:

а) и источниковая база (например, автор в качестве источника для выяснения крестьянских коллективных представлений использует пословицы и поговорки, но делает это довольно непоследовательно: так, паремии являются основным источником для крепостного периода, однако, когда автор изучает коллективные представления крестьян пореформенного времени, поговорки почему-то не используются: Б.Н. Миронов явно отдает предпочтение статистике кредитных сделок. Почему не привлекаются пословицы, собранные в конце XIX – начале XX в.? Если бы Б.Н. Миронов использовал более поздние сборники пословиц и поговорок, изданные в конце XIX – начале XX в., то он, возможно, обнаружил бы, что текстуальные совпадения слишком велики, чтобы говорить о динамике в коллективных представлениях на основании паремий, а это значит, что либо эти представления не менялись, либо пословицы не несут необходимой нам информации. Кроме того, автор полностью игнорирует то известное обстоятельство, что пословицы у разных народов совпадают: значит ли это, что коллективные представления русских и, скажем, народов Африки одинаковы или использовать пословицы в качестве исторического источника надо как-то иначе (Пермяков, 1988)? Кроме того, всегда возникает классический вопрос: что является отражением нормы – то, что мы говорим, или то, что мы делаем? Следующий пример: автор пытается реконструировать коллективные представления интеллигенции, обращаясь к материалам журнала «Нива» (Миронов, 2015b: 396–398). Может ли подобная тактика привести к адекватным результатам? Журнал скорее отражал вкусы мелкой городской буржуазии, мещанского сословия – тех, кого мы сейчас назвали бы носителями массовой культуры, а А.П. Чехов называл «пестрым читателем». Кроме того, слишком часто разбираются весьма специфические тексты (некрологи и юбилейные статьи, подозреваю, что последние нужно проверять на предмет заказа) без всякой поправки на жанр и стиль подобного рода статей. Я бы скорее предположил, что перед нами идеализированная самопрезентация буржуазного городского сообщества, вполне, кстати, совпадающая с культурой буржуазной этики. Еще один пример: автор пытается проследить особенности этики российской буржуазии на основании воспоминаний и мемуаров самих предпринимателей и приходит к закономерному выводу, что эти тексты свидетельствуют «о склонности к предпринимательству по традиции, т. е. без рекламы, без холодного и точного расчета, с оглядкой на традиционные моральные принципы...» (Миронов, 2015b: 400). Думается, что реальная деятельность самой буржуазии и ее погоня за прибылью были скорее вполне в русле европейского капиталистического мира; и т. д.);

б) и некоторые методические установки, из которых автор исходит при анализе психологии необразованных слоев населения России (при всех оговорках, сделанных

Б.Н. Мироновым, его трактовка мифологического сознания сама по себе в некоторых аспектах достаточно архаична с точки зрения современных достижений антропологии. Так, например, не понятно, как можно говорить о том, что «устная трансляция культуры ориентирует человека на простое воспроизводство того, что он слышал, запомнил, чему научился от предков», если весь опыт фольклористики говорит нам о динамичном и творческом характере устной культуры? Эта же архаичность не позволяет Б.Н. Миронову использовать его собственные аргументы более эффективно. Так, например, Б.Н. Миронов приводит свидетельства учителей о том, что крестьянские дети «не знали имен своих отцов, матерей, деда и бабушки...» (Миронов, 2015b: 517). Речь, на мой взгляд, действительно идет о весьма архаичном пласте крестьянской культуры, но не о «незнании»: во многих культурах существует запрет на произнесение имен близких людей, тем более в присутствии чужого человека. И т. д.);

в) и некоторые выводы, которые настораживают читателя. Так, Б.Н. Миронов использует свои исследования коллективных крестьянских представлений и особенностей крестьянского мышления, в том числе для того, чтобы сделать выводы об особенностях движущих сил русской революции: «Психологи установили: малообразованные люди легче поддаются внушению, а значит, манипулированию... Кроме того, малообразованный человек легче подчиняется авторитетам; мыслит стереотипами, навязываемые ему стереотипы усваивает бессознательно, дорефлективно и очень прочно. Благодаря этому сообщество малограмотных людей, с одной стороны, твердо поддерживает существующий общественный порядок, с другой – легко поддается воздействию пропаганды, агитации и пиару, что повышает вероятность манипулирования. Это классически проявилось во время революции 1917 г.» (Миронов, 2015b: 534). Вопрос, который ставит в этом случае перед нами история XX в., прост: что делать с историей Германии, население которой, по крайней мере по сравнению с Россией, никак не назовешь малообразованным? Или понятие «малообразованный» надо толковать расширительно, или надо обратиться к тем авторам, которые утверждали, что в Третьем рейхе реализуются очень архаичные структуры мышления европейца – не знаю, но проверку эта взаимосвязь «малообразованность – манипулирование – революция» явно требует не только на русском материале.

Многие промежуточные выводы и рассуждения, таким образом, в культурно-исторических изысканиях Б.Н. Миронова, как он сам и предупреждал, и могут, и должны быть подвергнуты сомнению, но это никак не отменяет, на мой взгляд, справедливость основной посылки – именно в культурных особенностях русского населения необходимо искать многие истоки специфики российской модернизации. И самое главное, конечно, в том, что предварительные наброски Б.Н. Миронова (сами по себе сделавшие бы честь многим исследователям) легитимируют культурные, антропологические изыскания в качестве основных, а не периферийных направлений в академических исследованиях имперской истории России.

И все же, на мой взгляд, к работе, проделанной Б.Н. Мироновым, не следует относиться ни как к хранилищу статистических данных, ни как к клиотерапевтической апологии государства. Перед нами не только исторический труд, каждая глава которого потянет на весомую монографию. «Российская империя...» это еще и размышление о судьбе страны, в этом смысле совершенно не постмодернистское, а вполне классическое рассуждение. От таких текстов мы просто отвыкли. Как и всякая книга подобного рода, она может многое рассказать не только об изучаемой эпохе, но и об эпохе, в которую создавалась. И еще о нас, и о нашем страстном желании видеть Россию нормальной страной с перспективами на будущее.

Литература

Карамзин, 1989 – Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. М.: Наука, 1989–1993. Т. 1. 638 с.

Леонтович, 1880 – Леонтович Ф.И. К истории права русских инородцев. Калмыцкое право. Ч. 1. Одесса, 1880. 439 с.

Миронов, 1999 – Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 1. 548 с.; Т. 2. 566 с.

Миронов, 2003 – Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и

правового государства: в 2 т. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 548 с.; Т. 2. 566 с.

[Миронов, 2012](#) – *Миронов Б.Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. 2-е изд. М.: Весь мир, 2012. 848 с.

[Миронов, 2013](#) – *Миронов Б.Н.* Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации. М.: Весь мир, 2013. 336 с.

[Миронов, 2014](#) – *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 1. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2014. 896 с.

[Миронов, 2015a](#) – *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 2. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. 912 с.

[Миронов, 2015b](#) – *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 3. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. 992 с.

[Общий свод..., 1905](#) – Общий свод по империи результатов разработки, данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб.: 1905. Т. 2. 417 с.

[Пермяков, 1988](#) – *Пермяков Г.Л.* Основы структурной паремологии. М.: Наука, 1988. 236 с.

[Поздеев, 1895](#) – *Поздеев А.М.* Калмыцкое вероучение // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб., 1890–1907. Т. 14 (27). СПб., 1895. С. 72–74.

References

[Karamzin, 1989](#) – *Karamzin N.M.* Istoriya gosudarstva Rossiiskogo [History of the Russian State]: 12 t. Moscow: Nauka, 1989–1993. Т. 1. 638 p. [in Russian].

[Leontovich, 1880](#) – *Leontovich F.I.* K istorii prava russkikh inorodtsev. Kalmytskoe pravo [The history of the rights of Russian foreigners. Kalmyk right]. Ch. 1. Odessa, 1880. 439 p. [in Russian].

[Mironov, 1999](#) – *Mironov B.N.* Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): Genezis lichnosti, demokraticheskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva [Social history of the Russian Empire (the 18th – early 20th centuries): Genesis of personality, democratic family, civil society and lawful state]: 2 т. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1999. Т. 1. 548 p.; Т. 2. 566 p. [in Russian].

[Mironov, 2003](#) – *Mironov B.N.* Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): Genezis lichnosti, demokraticheskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva [Social history of the Russian Empire (the 18th – early 20th centuries): Genesis of personality, democratic family, civil society and lawful state]: 2 т. 3rd ed. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2003. Т. 1. 548 p.; Т. 2. 566 p. [in Russian].

[Mironov, 2012](#) – *Mironov B.N.* Blagosostoyanie naseleniya i revolyutsii v imperskoi Rossii: XVII – nachalo XX v. [The well-Being of the population and the revolutions in Imperial Russia: the 18th – early 20th centuries]. 2nd ed. Moscow: Ves' mir, 2012. 848 p. [in Russian].

[Mironov, 2013](#) – *Mironov B.N.* Strasti po revolyutsii: Nravny v rossiiskoi istoriografii v vek informatsii [The passion for the revolution: mores in the Russian historiography in the information age]. Moscow: Ves' mir, 2013. 336 p. [in Russian].

[Mironov, 2014](#) – *Mironov B.N.* Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: 3 т. Т. 1. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 2014. 896 p. [in Russian].

[Mironov, 2015a](#) – *Mironov B.N.* Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: 3 т. Т. 2. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 2015. 912 p. [in Russian].

[Mironov, 2015b](#) – *Mironov B.N.* Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: 3 т. Т. 3. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 2015. 996 p. [in Russian].

[Obshchii svod..., 1905](#) – Obshchii svod po Imperii rezul'tatov razrabotki, dannyh pervoi vseobshchei perepisi naseleniya, proizvedennoi 28 yanvarya 1897 goda [A common set of Empire the development results, the data of the first General census of the population produced 28 January 1897]. St. Petersburg, 1905. Т. 2. 417 p. [in Russian].

[Permyakov, 1988](#) – *Permyakov G.L.* Osnovy strukturnoi paremiologii [The foundations of structural paremiology]. Moscow: Nauka, 1988. 236 p. [in Russian].

Pozdeev, 1895 – Pozdeev A.M. Kalmytskoe verouchenie [Kalmyk creed] // Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona [Encyclopedic dictionary Brockhaus and Efron]: 86 t. St. Petersburg, 1895. T. 14 (27), pp. 72–74 [in Russian].

УДК 93(47)

Историческое исследование российской модернизации: теоретический и практический аспект

Александр Борисович Лярский^{а,*}

^а Северо-Западный институт печати Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена обсуждению монографии Б.Н. Миронова «Российская империя: от традиции к модерну», которая, по мнению А.Б. Лярского, в целом является значительным этапом в развитии отечественной историографии. На примере анализа отдельных сюжетов этого труда обсуждаются границы и возможности применения клиометрического подхода как способа понимания исторического процесса и «клиотерапии» в качестве цели историографии. С опорой на монографию уточняются представления о модернизации России как о внутренне противоречивом, усиливающем архаические стороны общества, процессе. Важной частью проделанной Мироновым работы представляется попытка искать истоки особенностей российской модернизации на путях исторической психологии и антропологии, в культурной специфике населения империи. Наряду с горячим одобрением этой тенденции в статье подвергаются критике некоторые особенности «антропологического поворота» Миронова, например отношение к фольклорным источникам или определенные выводы о природе российской революции, сделанные на основе исследования коллективных крестьянских представлений и особенностей крестьянского мышления. В итоге монография характеризуется как фундаментальное междисциплинарное исследование модернизации Российской империи в долгосрочной перспективе, исследование, без которого будет трудно представить развитие исторической науки на протяжении ближайших десятилетий.

Ключевые слова: историческая антропология; модернизация; Российская империя; клиометрика; коллективные представления; «клиотерапия»; калмыцкий буддизм; микроисследования; макроисследования; междисциплинарность.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: lam732007@yandex.ru (А.Б. Лярский)